

против всех

Сергей
Шаргунов

Битва

за воздух свободы

Сергей Александрович Шаргунов

Битва за воздух свободы

Серия «Против всех»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27106037
Битва за воздух свободы: Алгоритм; Москва; 2008
ISBN 978-5-9265-0574-7

Аннотация

Изменилось ли что-нибудь после лихолетья 90-х? Поменялись слова. По всем каналам телевидения долбят о великой власти и о том, что всякий, кто против – враг России. Контроль над обществом взяли спецслужбы и менты. Резко выросли цены на нефть, и жить стало сытнее. Чечню как бы загасили, но пропитан порохом ненависти Кавказ.

Государственный доход возрос до астрономических сумм. Но у нас полудохлое производство и мертвое село. Старики брошены, а ведь это проклятье нам, если наши бабушки и дедушки доживают в нищете и голоде. Тридцать миллионов за чертой бедности – это официально. А молодежь? Бухает. Стипендия – подачка. Тюрьмы – туберкулезный ад. Армия – душегубка. Если считать статистику честно, мы рвемся в лидеры по коррупции, по убийствам, по детским самоубийствам. Народ вымирает, миграция неукротима. Ресурсы исчерпываются, кроме них, у нас нет ничего.

А в «патриотичном» телеящике только хохмы и «стрелялки». Главное, чтобы люди не задумывались, хлебали горькую, ржали, колотили друг дружку, политикой не интересовались...

Содержание

Введение	6
Часть первая	11
Две дороги Дмитрия Медведева	11
Дебаты: апофеоз сна	15
Приемник для преемника	20
Превед, Медведевед!	23
Что за поворотом?	27
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Сергей Александрович Шаргунов

Битва за воздух свободы

© Шаргунов С.А., 2008

© ООО «Алгоритм-Книга», 2008

* * *

Введение

Однажды мерзлым днем я был исключен из федеральной тройки партии «Справедливая Россия». По требованию Кремля.

За то, что позволял себе критиковать власть и последовательно требовал перемен. Обличал власть за ее беспредел, вел свободных несистемных людей через системную партию.

Я не сильно огорчился: очень уж к тому дню надоело давление этой возненавидевшей меня системы. Потеря денег, мнимых товарищей, работы, внимания общества – все ерунда, когда есть любимое дело жизни. Есть книги и будут новые книги, то же можно сказать о читателях. А еще, подумал я, не останови они меня на выборной дистанции, пришлось бы убирать уже из Госдумы. Жалко, конечно, что до Думы не дошел. Там было бы совсем горячо...

Я не хочу, чтобы деятели, не ясно по какому праву отождествляющие властные полномочия и абсолютизм, неравнодушные лишь к своему обогащению, спали сладко. Пускай спят хотя бы горько, вздрагивая.

Но еще меньше хочется кому-то мстить. Неохота рассказывать в деталях весь свой путь писателя в политике: уличные акции, столкновения с репрессивной машиной, тактическая византийщина и стратегическая твердость взглядов, обыски у меня на квартире и мои встречи с «сильными ми-

ра», собрание сторонников по всей стране, наконец, прорыв на выборы, беспрецедентное давление системы, включая угрозы и подкуп, мой отказ капитулировать...

Их всех жалко: от первых лиц до последнего винтика. Они все в заложниках – у своих appetitов, у своего пищеварения, у своей паранойи.

Сначала я хотел написать роман про все это, художественную вещь, акварельный пейзаж. Даже написал, представьте. Но пока раздумал издавать. Остановимся на публицистике. Хлесткие мазки маслом. Тоже живопись. Надеюсь, читатель-зритель оценит.

В этой книге – статьи, те, что были написаны за последнее время. В них – чувство большой страны, сопереживание народу, желание менять власть, влиять на власть, строить историю, а также размышления о словесности и культурных героях. В статьях зафиксирована личная судьба и схвачена общая наша история.

* * *

Изменилось ли что-нибудь после 90-х? Поменялись слова. Много стало громких слов. Примером для подражания стал не человек слова, а человек слов. По всем каналам телевидения долбят о великой власти и что всякий, кто против, – недруг. Контроль над обществом взяли ребята под игровым именем «специальные службы». Резко выросли цены

на нефть, и жить стало сытнее. За счет выкачки ресурсов – сытнее, но не за счет развития.

Чечню как бы загасили, но пропитан порохом войны Кавказ.

Государственный доход возрос до астрономических сумм, и при этом у нас полудохлое производство и мертвое село.

Старики брошены, а ведь это проклятье нам, если наши бабушки и дедушки доживают нищие и голодные. Тридцать миллионов за чертой бедности официально.

Молодежь? Бухает. Стипендия – подачка.

Тюрьмы – туберкулезный ад. Армия – душегубка.

Если считать статистику честно, мы вырываемся в международные лидеры по коррупции, по убийствам, по детским самоубийствам.

Народ вымирает, миграция неукротима.

Ресурсы исчерпываются, кроме них, у нас нет ничего.

В «патриотичном» телеящике только хохмы и стрелялки. Главное, чтобы люди не задумывались, хлебали горькую, ржали, колотили друг дружку, политикой не интересовались. Поэтому отменены прямые эфиры, запрещены открытые дискуссии о будущем и настоящем народа. Поэтому отменен порог явки на выборах, уже неважно, сколько придет, выборы признают состоявшимися.

Мрачная картина? Спросите в приватной обстановке у любого госчиновника: так это или не так? Если поблизости не будет телекамеры и он будет откровенен, получите ответ:

«Все еще хуже».

Главный вопрос – не экономика, не быт, главный вопрос – политика, власть.

Вопрос: кто у власти, как они правят, и возможно ли их контролировать. Если мы можем спросить с власти, значит, мы можем улучшить нашу жизнь.

Что нужно изменить? Надо сначала просто проявить к своему народу уважение. Дать людям право смотреть и оценивать.

За последнее время останавливали многих. Всех, кто может докричаться до людей. Общий знаменатель внутривластных действий власти: вытеснение творчества и выдавливание личностей.

Мы живем в такое время, когда для того, чтобы избавиться от неудобного, совсем не обязательно стирать его в лагерную пыль или ставить к стенке. Достаточно облить дерьмом, а затем предать забвению. Причем вопрос остается открытым: какая смерть предпочтительнее – физическая или информационная? Что страшнее: славная гибель за правое дело или нелепая пропажа вчерашнего героя в тени?

Но у всякой «жертвы» есть шанс не быть тем князем, над которым сомкнулась роковая грязь. Шагнув в кипящую стальную лаву, подмигнуть пронзительным глазом Терминатора: «I'll be back!»...

Тогда любое появление «жертвы» будет отрадно. Это еще не воскресение, но уже определенный акт возмездия. Каж-

дое интервью, всякая книга – удар по киллерам и гробовщикам, которые возомнили, что у них достаточно власти, чтобы ликвидировать неугодного...

Три года в трудной современной политике. Которая на моих глазах истончалась. Со мной сотни товарищей и еще множество сочувствующих. Вот я выбыл, и они растерялись. Потекло затишье шока. Они не терялись, когда с двух сторон на нас бросались штурмовики-гопники на пикете у офиса «Единой России». Тут – шок. И вопросы: что дальше?

Дальше надо ждать лучших времен и готовить всеми силами такие времена.

Пусть будет революция духа. Наполненная солнечным соком жертвенности...

Часть первая

Политическое послепутинье

Две дороги Дмитрия Медведева

Мы знаем имя нового президента, и все же задаемся вопросом: как его зовут на самом деле? Каков он?

Слово «медведь» – это эвфемизм, имиджевое прикрытие настоящего имени лесного зверя. «Ест мед», – говорили славяне, а как его зовут, они боялись сказать, дабы не навлечь на себя магический гнев этого природного Государя. Славяне уклонялись от того, чтобы честно обозначить имя могучего, да и уж тем более избегали подробностей его житья-бытья. А то еще вдруг почует, заявится, влезет в избу, снесет голову хозяину, тяпнет дитя из люльки.

Как зовут Дмитрия Анатольевича Медведева? Каков он, кроме того, что ест мед политики и питается нефтью и газом экономики?

Вопрос тем более существенный, что ответить на него придется. Очевидно, Медведев был обречен стать президентом в первом туре выборов. Остальные участники воспользовались кампанией для личной капитализации, для очередной саморекламы, но по факту своей бесполезной суетой

только оттенили фигуру генерального кандидата.

* * *

Сегодня Медведев, вне зависимости от его качеств и заслуг, стал концентрированным выражением власти, предстал тем «право имеющим», тем сакральным хозяином, закрытым лесными кулисами, которого принимают как данность. Лично я убежден, что Медведев выводится на президентский пост не в качестве временного статиста, а надолго и всерьез. Путин поначалу тоже казался слабоватым и едва ли не призрачным (как его сторонникам, так и его недругам), но доказал: для закрепления себя во власти достаточно этой властью обладать.

Именно поэтому так интересно, каков он, будущий президент?

У Дмитрия Медведева есть две дороги. По одной из дорог он может направиться.

Медведеву в наследство достается система коррупции, и, что особенно драматично, коррупции политической. Власть зарекомендовала себя замкнутостью круга лиц, принимающих решения, навязыванием нескольких плоских лиц сложному и многообразному обществу. Узурпация ведет к стагнации, гниению и распаду, поскольку в закрытой системе невозможен приток свежей крови. Всякие новые лица тестируются на лизоблюдство и скудоумие, и лишь найденные пу-

стыми и легкими получают возможность политической реализации. Политика в современной России превращена в пугающий тромб. Рискну создать фантазмагорическую метафору: этот тромб можно катить, и давить этим тромбом все живое, и тромб этот будет обрастать тяжестью от все более бесстыжих лизоблюдов, но дорога, по которой тромб катят, кончится обрывом. Инсультом политической системы. Это когда кровь, прорвавшись, бешено брызжет в мозг, в высшие кабинеты, и страну разбивает паралич.

Сохранять и умножать «традиции политической коррупции», подавлять любую общественную самостоятельность, давить низовое протестное творчество – соблазнительная дорога для главного политика.

Зачем это может понадобиться Д.А. Медведеву?

Чтобы доказать, что он не слабак. Что он не поддается «врагам», способен сурово править. И больше того – готов развить «успешный зажим» предшественника и продемонстрировать опытным путем, как можно закрутить вентиль еще эффективнее, чем ранее. До упора. Но эта дорога, с учетом возможных экономических неурядиц, грозит «мишке в ежовых рукавицах» кошмарной исторической одиозностью...

У Дмитрия Анатольевича есть и другая дорога. Дорога личного позиционирования, выгодно отличающая его в глазах общества от надоевших «держиморд» с их фарсом вранья и подавления. Чисто имиджево от кандидата в прези-

денты требуется смена смыслов, символизирующая отказ от «досадных перекосов».

Пускай не сразу, пускай постепенно, но новый президент, «просвещенный правовед», мог бы реанимировать принципы политической дискуссии на каналах ТВ и в законодательной власти, внушить «силовым органам» необходимость следовать закону и уважать право граждан на самоорганизацию. Сделать ставку, нет, не на «вульгарный американизм», но на здоровые начала европейской социальной культуры.

Мы не затрагиваем сейчас экономических аспектов, мы говорим об азах функционирования уважаемой, исторически адекватной страны, способной на идейную конкуренцию с другими государствами.

Подлинное имя Дмитрия Медведева мы все узнаем, какими бы эвфемизмами испуганные и многоумные политологи не штопали тревожную неизвестность.

Дебаты: апофеоз сна

Первый канал. Дебаты-2008. В семь утра.

Покажите мне такого безумца, который переведет будильник и будет вскакивать, допустим, на полчаса раньше обычного, лишь бы насладиться этим зрелищем.

Лучше спать. А последние сновидения, как известно, самые яркие – они приятнее, интереснее и уж точно оригинальнее.

Чтобы узнать, как реагируют граждане на открытие теледебатов, можно спросить об этом, например, у соседа, крижистого мужичка, вышедшего посмолить на лестницу. Но он поглядит на вас, как на дурня.

Ежели не хотите выглядеть дурнем в хитроватых глазах соседа дяди Пети, наберите словцо «дебаты» в блогах Яндексa. И насладитесь полосой суждений. Вовсе не обязательно это будут мнения тех, кого называют «ангажированными личностями». Гораздо любопытнее наивные и невинные, далекие от деталей политической механики, отзывы «плебса». Впечатления в дневниках, на форумах от разных обычных людей, которым выпало в семь утра включить ящик, напороться на известный сюжет и которые потом не поленились совершить пробежку пальцем по клавиатуре.

Известный сюжет вызывает тошноту. Тош-но-ту. Мониторинг приносит сплошь грубые и равнодушные суждения.

Многие так и пишут: «Включил телек, дебаты, затошнило». Понятно, у некоторых тошнота и головная боль – атрибуты утренней яви, а тут еще и зрелище подходящее.

Но в чем же причина тошноты от дебатов?

Казалось бы, три удачных соперника. Грозная туча Зюганов, эксцентричная молния Жириновский, дождик, прыгающий пузырями, Богданов. Сон должно как рукой смахнуть.

Ужас в том, что дебаты окунают едва проснувшегося человека в новый сон. Это действительно отвратно: ты встал, протерев глаза, включил телевизор и погрузился в сон опять. Нелепый сон. Многожды виденный. Как тут не испытать чувство отторжения? Что делать зрителю? Переключиться на напевы Муз-ТВ или прошлепать на кухню варить кофе. Или, все же досмотрев знакомый кошмар, сесть за комп и вытеснить увиденное грубыми словами презрения.

Нужно объяснять, почему это сон?

Сон нелеп. Выборов нет. Выборы уже состоялись. А все три оратора – статисты абсурда.

Выступающие подобны мертвецам. Они санкционированы. Их постановочность выпукла и навязчива, как сцена казни Цинцинната Ц. в «Приглашении на казнь». Они утверждены стоять за этими кафедрами и говорить так и именно так. И даже манера их поведения согласована. Например, Зюганов и Жириновский не обмениваются наездами, Богданов, их меньшей брат-забияка, истово вещающий о том, что «дадим Интернет – и будет счастье всем».

Два бесполезных изжеванных нашими взглядами старика. И даже «свеженький» Богданов томит эффектом узнавания кудрей и щек, а его санкционированность, случайность, легкая заменяемость на любого другого назначенного игрока добавляет ему миражность нежилца.

Они не живут, они нам снятся. Нет воли к власти. Нет просто власти. Нет просто воли. Есть мантра, слова уж не важны, главное поддерживать запомнившуюся публике интонацию, каждый раз доказывая свое существование. Густой бас Зюганова с «хэканьем», отрывистые вскрики Жирика с кряканьем. Квакающее счастье Богданова. Зюганову положено вести себя активнее, резче, больше пучить глаза и багроветь черепом, Жирик, напротив, респектабельнее, чем обычно, надменен, губы поджаты. Ибо результат согласован.

Первое место. Медведев.

Второе. Зюганов.

Третье. Жириновский.

Четвертое. Богданов.

Отвратительна и, как сон, игра в полемику, они обсуждают Стабфонд и сходятся, что его надо тратить, говорят о внешней политике и удручаются, что кругом враги, но забияка Богданов тотчас предлагает «захватить НАТО своим членством».

Левада-центр провел опрос. Только три процента россиян объяснили желание идти на президентские выборы уверенностью в том, что эти выборы будут свободными и честными. Только 8 процентов респондентов посчитали, что от самих кандидатов зависит, кому быть президентом.

Парадоксально, но задача власти – чтобы так и было, чтобы избиратель утратил веру в смысл выборов, а получил странное наслаждение от роковой предрешенности.

Для этого сюжет «дебаты». Чтобы зритель плевался и от социально-державного популизма, и от натужного «эпатажа», понимая, что его развлекают мутные статисты.

На это все и рассчитано!

Чтобы человек пришел на выборы сомнамбулой и опустил бюллетень за ТОГО, КТО МОЛЧАЛ.

Людам отвратительны не сами выборы, не пресловутая «болтовня», а отсутствие политического знаменателя. Люди разочарованы в выборах не потому, что выборы есть, а потому, что выборов нет. Аполитичны без политики. Спокойно выбирая Медведева, они чудесно голосуют не за, а против – против статистов, фальшивыми до тошноты голосами оттеняющих единственно возможного претендента. Начальник-молчальник – это неизбежное, бюллетень падает во тьму, как слепой жребий.

«У масонов в четверг принято лежать в гробу. Вы лежите?» – «Да, конечно», – готовно отвечает Богданов. Они все лежат. Все три спорщика. Дни и ночи напролет. Там лежат, где их, как говорится, народ и видел.

Сонная деградация общества выгодна экономическому и политическому «менеджменту». Обывателя тошнит сквозь сон, а его все пичкают снотворным. Но подчеркнутый фарс чреват самым прискорбным: утратой политической легитимности. Дремучая низовая неприязнь к фарсу значит одно: если система хочет легитимности, фарс должен кончиться. К обществу наконец-то нужно проявить уважение. Тот минимум уважения, который и называется «реальной политической».

Дебаты славной тройки – поминки по аполитичности. Предельный кризис как возможное начало воскрешающего исцеления. «Спи – замерзнешь», – внушала обывателю царственная аполитичность. Все шумнее, все сочнее, все чаще слышится новое слово: «оттепель», которое можно рифмовать с «вот теперь!».

Вот теперь, мол, будет новый, такой русский, такой созидательный нацпроект «Свобода».

Последнее, конечно, гипотеза.

Поживем и посмотрим.

Приемник для преемника

Этот текст я пишу следующим образом: правой луплю по клавиатуре, а левой кручу колесико радиоприемника. Слушаю музыку. Одна мелодия сменяет другую, волна накатывает на волну, и текст тоже колобродит волнами.

Политическая лирика, разминка под радио...

«Проклятые 90-е»...

В начале 90-х группа московских художников с дикими лозунгами перегородила Большую Никитскую своими полотнами, и, помитинговав на баррикаде из картин, пошла на Кремль. Ближе к Кремлю их вежливо оцепили, обошлось без уголовных преследований. Милиция смеялась.

Пестрая баррикада. Затор машин. Несанкционированное шествие. И что? А ничего, весело, и ладно. Помешали они ходу российской истории, перевернули город, спровоцировали ввод батальонов НАТО на территорию РФ? Такие ведь планы нынешние кремлевские мудрецы инкриминируют всякому, кто непокорен...

Сегодня веселье немислимо. Художника, избежавшего на Мавзолей с плакатом «Против всех!», будут допрашивать не на фурушете в галерее, а некто Андрей Чечен на Лубянке.

90-е были временем нищеты, разлома, низких цен на нефть, в конце концов. Страсти кипели нешуточные, но Ельцин амнистировал своих врагов. Нынешним хозяевам сама

идея милости претит.

Да, 90-е были чересчур лихи, требовалось укротить пыл, укоротить прыть. Однако власть решила секвестировать так, чтобы больше никогда ничего не выросло. А урезала и прижгла не там и не то...

* * *

Итак, «благословенные нулевые»...

Какая Россия достается Медведеву?

Современную РФ характеризует опасная, тяжелая стадия деспотии, когда борьба ведется уже не против политических партий (таковые ликвидированы), а против отдельных личностей. Зачем деспотия? Из паранойи? Отчасти – да. Деспотия есть следствие непрофессионализма, ибо власть прибра на компашкой глухих и оттого анекдотичных неpolitиков. Но деспотия – и для запугивания. Запуганными легче управлять. Здесь проявляется ущербный менеджерский прагматизм как прямое продолжение политической бездарности.

Кругом чудовищно скучно, любая попытка «движухи» банально небезопасна. Людям уныло жить. Россия затекла, связанная... Последняя восьмилетка – это сказка о потеряном времени. Время, лишённое насыщенности, событийности, когда и вспомнить нечего. Активные люди вычищаются, прижаты, власть ревниво борется с любым активизмом, пестуя лишь моральное уродство в виде тупоголовых последы-

шей. А пассивные массы призваны довольствоваться замечательной программой «Свобода слова» на блокбастер «Стальная хватка». Национальная идея, внушаемая гражданам, крайне проста: «А зачем политика нужна? Главное – пожрать, поспать, не тревожат хоть, может, копейку подкинут, дают спокойно дотянуть до издыхания...» Воистину нулевые годы! Как круги на воде...

К чему я перебираю все это?

А только к тому, что эти банальности и станут историческим вердиктом минувшим пустым годам. Не покорение Кавказа, рост доходов, и выбитая Олимпиада, а ложь и насилие, и скука, тоска смертная.

Я глубоко убежден, что каждую эпоху в первую очередь маркируют психологические приметы. 90-е – лютое, трагичное веселье. Начало века – скука и тупое насилие.

Но льдина поехала...

Свободу придется даровать. Ведь даже для самых упертых «сторонников сильной руки» нулевые годы подарили чудо – реабилитировали слово «свобода». Мы ждем оттепели, господин президент.

Накопилось. Не усугубляйте...

Превед, Медведовед!

На смену путинологам спешат медведоведы.

Последние и составляли книгу Медведева «Национальные приоритеты». Три части. Статьи, выступления, интервью. Все – избранное. Самые живые, пожалуй, интервью. В том числе довольно известное «Эксперту»: «Если к слову «демократия» приставляются какие-то определения, это создает странный привкус. Это наводит на мысль, что все-таки речь идет о какой-то иной, нетрадиционной демократии». И даже эпитет «великий» в адрес Каспарова специально для журнала Stern.

«Путин. Его идеология» – так называлась книжка Алексея Чадаева, выпущенная издательством «Европа» в 2006 году. Книга была оформлена в средневековом стиле с мраморным рыцарем на фоне черной и желтой полос, а стальные глаза президента пронзали из странного бумажного выреза. Мрачная обложка и была главным впечатлением от книги.

И вот Чадаева уволили, уличив в реакционности. А во все той же «Европе» появилась книжка статей и выступлений Дмитрия Медведева. Веселая, подходящая для Свидетелей Иеговы обложка. Лилово-красный тон, уютное фото в белом медальоне: голубая куртка раскрыта, белая рубашка распахнута, на лице песочная европейская небритость.

Если твердить «халва», во рту закипит жуткая сладость, а

под заклинание «оттепель» — за окном рушится зимний ста-
лактит. Что бы ни думали комплексующие менеджеры, ис-
торию вершат не грубое бабло и мохнатая сила, но не ме-
нее грубые и колючие смыслы. Простые движения. Облож-
ки. Фразы. Шутки. Символы. Историю делает психоз.

* * *

Кто-то скажет, что правители отстаивают свои личные ин-
тересы, а общество видели в гробу. Ну, так поэтому-то и прав
Лев Толстой, различавший в наиболее выдающихся лично-
стях бумажные кораблики, покорно бегущие по волнам вре-
мени. Идеология, оставленная властью без присмотра, сна-
чала непомерно раздувается, охватывает массы, затем стано-
вится словесным прикрытием действий власти, в том числе
в отношении противников («враги демократии» или, наобо-
рот, «шакалят у посольств»), и потом уже... Потом идеоло-
гия превращается в явь. Причем зачастую правители не ви-
дят полноты нарисованной ими же картины.

Не журнал ли «Огонек» сотворил из номенклатурного
колхозника Горбачева — человека, устроившего перестрой-
ку и помахавшего загорелой рукой СССР? Похоже, Горба-
чев так до конца и не понимал, что происходит. Не устало-
стью ли от 90-х и тоской по порядку стоит объяснять тупые
марши «верного югенда» или вседозволенность спецслужб,
ставшую притчей во языцех?

Вряд ли Путин знает фамилию Червочкин. Однако этот парень, Юра, убитый после расклейки листовок в Подмоскowie людьми, похожими на убоповцев, пал жертвой той стратегии натиска, которую знаменует собой средневековый рыцарь на черно-желтой обложке. Не случайно синклиту «реакционеров» ставят в упрек гнусную статью на сайте «Русского журнала», где дана индульгенция на расправы: «Это политика, деточки. Здесь могут и убить».

Не убий.

Палачество – или интенция к палачеству, или просто одиозность – всегда сигнал исчерпанности дискурса. Дальше дискурс можно либо освежать новыми жертвами, отгородившись от всего света, либо менять...

В книге Медведева много говорится о демографии, о бедности, о компьютеризации, о нацпроектах. Но за всем – сквозит востребованность главного нацпроекта. Идея свободы присутствует даже в верстке. В тех фразах, которые вынесены крупными буквами, вроде этой: «Оппозиция только тогда и является оппозицией, если она критическая». Россия изголодалась по свободе. Глубокая и яркая страна достойна уважения власти – чего-то более сущностного, чем хохмы, стрелялки и рапорты ткачих по всем каналам. В условиях вероятных экономических неурядиц фактором равновесия может быть именно расширение гражданской инициативы, социальное творчество, иными словами: оттепель. Когда энергичный человек, не связанный политической коррупци-

ей, получает прямой честный шанс – строить историю своей страны.

Пока же шорох страниц, напоминающий сползание мокрого снега с крыши...

Что дальше? Удар заморозков? Или очищение от залежей, от рыцарских панцирей скользкого льда?

Русская история как американские горки, которые изобретшие их американцы не случайно называют «русскими».

Лишь бы Россия сохранилась.

Что за поворотом?

Я не сомневаюсь в том, что система падет, и будет падение ее велико. Давайте оглядимся в который раз.

Вертикаль власти – это такая башня, которую наглухо задрапировали лозунгами.

Под землей – башня глубоко бурит недра, над землей в башне считают прибыль. Вокруг башни слоняются миллионы подданных, духовно и материально опущенных. На плакатах, надежно укутавших башню, аляповатые лозунги: «Россия, вперед! Кто против – урод», «Объединение церквей. А чужебесие развей!», «Олимпиада в Сочи, всех порвем в клочья», «Слава стране-суверену! Враг, убейся об стену!», «Народу страшно навредя, опять ползут враги вождя»...

Юный подданный РФ с дешевой сигаркой в зубах, разбитыми в драке кулаками и без всякого светлого будущего чавкает бутсами по снегу, запрокинулся, скалится: «Блин, здорово. А мы-то крутые!» Сплюнул в снег и бредет дальше, аполитичный, асоциальный, и именно поэтому всегда готовый голоснуть за «крутую Россию» – за того, кого назовут по телеящику. Вот тебе и «возрождение национального инстинкта»...

Драпировка глухо закрыла вертикаль. Однако сквозь плотный кумач так и слышится скрип, скрип, скрип, плаксивый, монотонный, наивный, как у детских качелей. Это пи-

лят бабло. Те, кто выстроил под свои аппетиты вертикаль.

Не случайны их выпады сразу против «позднего совка» и «клятых 90-х». Они ведь наследники тех и тех, но более грамотные. В этих выпадах не только пропаганда, но искреннее менеджерское недоумение о предшественниках (мол, раньше и впрямь послабее нашего держались). Новые управленцы извлекли урок. Они – дельцы абсолютные, для которых идей нет, а есть эффективность контроля и предельное бесстыдство идеологических спекуляций. Им непонятно, как это – проиграть, если уже дорвался.

Поздние советские чиновники были рыхлыми и не бойцовыми, в том числе потому, что эти старички из Политбюро не владели реальной собственностью. Убого, криво, но как первопринцип сохранялся «социалистический уклад». Был некий высший смысл над старичками. Реформистская элита, утвердившаяся под победный крик о демократии, наконец-то стала хватать в личное распоряжение госсобственность. Но и эта элита была уязвима, поскольку не могла отказать от убогого, кривого, но все же идеала «либеральных прав и свобод». Был некий высший смысл над гангстерами. Новая власть выкинула все идеалы и принципы. Есть стратегия выкачки недр и распила бабла узкой компашкой, народу же – довольно тряпичных лозунгов на башне.

Понятно, что подобная картина может быть воспринята как безрадостно-схематичная. Но ведь правда же – нет у них воли что-то сущностно менять! И при их системе никогда такой воли не будет. Менять – это дело если не опасное, то второстепенное... Главное для них – уклониться от перемен, держать подданных в полном подчинении, и, сидя в башне, поплевывать на темную страну. А самым иметь хороший доход и щелкать оппонентов.

Наличие любого самостоятельного оппонента – теоретически рискованно, – это власть помнит.

Гордо возвышается одна башня, а лачуга всякого, кто был против, либо сожжена дотла и житель ее спрятался в скит под землю, либо вымазана дерьмом позора, либо загнивает, опустев, ибо владелец перебежал в сытную башню, либо это – нежилой фанерный домик «потемкинской оппозиции».

И думают сидельцы башенные, что уже они и непобедимы, похерили пустую лирику, все отмели и зачеркнули, кроме специфического «криминального патриотизма». Прочна их башенка!

Заблуждаются.

По исторической логике вещей, слетят и они вместе с обломками своей башни... Слетят, потому что трагическая история России – это не монотонный распил бабла, а взмахи

детских качелей: то государство насилует инакомыслящих, то инакомыслящие насилуют государство.

Мучая нас ложью и тупостью, эти «государственники» в очередной раз подставляют под удар целостность страны, которую проткнули стержнем своей башни. И об одном моя мысль: как бы не треснула и Россия, когда их башня расколется...

Эту власть могла бы смести широкая коалиция. Популярная. Авторитетная. Только коалиция всех активных гражданских сил на принципах патриотизма, социальной справедливости и свободы могла бы мощным порывом вихря сорвать фальшивые тряпки лозунгов с вертикали власти и вдохнуть живое обновление в граждан. За это я выступал, и для этого пошел в политику после ограбившей народ «монетизации». Мы стояли вместе перед многими тысячами сторонников на общем митинге – Рогозин, Зюганов, Глазьев, Лимонов. Явлинский поддерживал. Стремительно левели «либералы», а «патриоты» проникались смыслами свободы.

Но не получилось объединиться и надавить. Не вышло консолидации, например, с требованием провести референдум по ключевым вопросам общественной жизни. В референдуме отказали? Так надо было затопить центр Москвы гневливym людом.

Время утекало. И истекло. Одних демонизировали, других купили, третьи «слиты» и чахнут не у дел, четвертые –

статисты.

Остался узкий, страшно далекий от народа кружок упертых либералов, ориентированных на «мировое мнение», — беспомощно и плохослышно стенают, и их легче легкого выставлять агентами Запада.

Осталась КПРФ. Но вряд ли в ближайшие сроки порадует нас сюрпризом-прорывом эта «недосогласная» парламентская партия, четко усвоившая «правила порядка».

На излете политической зачистки вдруг образовалась «Справедливая Россия», воспринятая мной как возможность раскола элит. Показалось, что власть готова допустить легальную критику изнутри, каковая неизбежно есть мина под всю их порочную систему. Мне удалось даже прорваться в федеральную тройку на парламентских выборах, но система среагировала молниеносно. Зазвучала команда из большой комнаты, и обитающий в комнатке поменьше чиновник гаркнул: «Слушаюсь и повинуюсь». И меня вычеркнули. Словом, допуская самые неожиданные сценарии, я не вижу в оформившейся «СР» (ее список и до меня был искромсан) независимого заряда, в отличие, между прочим, от того, что было с «Родиной», в которой такой заряд был.

* * *

Как действовать в политике дальше, когда политики нет? Известна тотально внесистемная «Другая Россия», кото-

рой почти, как Прометею, хищный ОМОНовец клюет в печень на очередном марше, но это не ломает воли к маршу. Может ли «Другая Россия» хоть чего-то добиться? Предпочту повесить этот вопрос в воздухе.

Вот и уважаемый в народе, действительно перспективный оппозиционер Глазьев так и не доехал до «другороссов». Энергичный уличный боец за справедливое дело юноша Удальцов отшагнул от них. Туда же – и замечательный Делягин, органично и аргументированно сочетающий названные выше идеи патриотизма, социальной справедливости и свободы. Эти три элемента и, кстати, эти три человека могли бы быть полезны.

Полновесный субъект отсутствует. По этой причине свернул былую оппозиционность чуткий к историческим перепадам Проханов.

А кого-то поманит сумасшедший (вернее, вполне «нормированный») маршрут: ринуться в «Единую Россию». Пытаться наполнить мертвые слова о великой России – действенным содержанием... Но попытки влиять на власть изнутри и менять ее в сторону «любви к народу» – пусты. Власть не будет сотрудничать с честными, сложно и самостоятельно мыслящими. Власть готова признать своими только тех, кто прошел инициацию, – пнул поверженного чужака. Это обязательный ритуал: пнуть и без того пинаемых «шпиона» Каспарова или «фашиста» Лимонова. И поскольку я неоднократно отказывался участвовать в этой дурной заба-

ве, меня власть любить не может.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.